

Феликс Кохрихт

Ах, Одесса, жемчужина у моря, Ах, Одесса, ты знала много горя...

В минувшем апреле увидел свет труд, в основу которого легли уникальные документы, собранные профессором, доктором технических наук и литератором Михаилом Пойзнером – исследователем истории Одессы, главным образом периода Второй мировой – Великой Отечественной войн. Выход альбома был приурочен к 75 годовщине освобождения города-героя от фашистских захватчиков. Это уже второй том авторского коллектива, посвященный героическим и трагическим страницам биографии Одессы и ее граждан – тех, в чью жизнь вошла

самая страшная война в истории человечества.

Мне довелось участвовать в презентациях 2004 и 2019 годов. Сложные чувства испытываю, приступая к этим заметкам. Отраднo, что и сегодня, спустя 15 лет, эта тема вызывает большой интерес у общества. Печально, что за эти годы ушли из жизни мои земляки – и фронтовики, и те, кого нынче принято именовать «дети войны». К ним принадлежу и я. В нашем, образно говоря, «детском саду» две группы – старшая и младшая. Среди моих друзей извест-

ный врач, писатель Леонид Григорьевич Авербух. Его отец погиб в Севастополе, а сам школьник Леня трудился в госпитале и имеет свидетельство участника войны. Я же, умудрившись родиться между двумя войнами – финской и Отечественной, встретил 22 июня 1941 года полуторогадовалым. Был, собственно говоря, в «яслях»...

Тем не менее и мне есть что вспомнить, и я буду это делать, переходя от одного раздела новой книги к другому. Но сначала спрошу Михаила Пойзнера:

– Помню, как 15 лет назад получил от тебя необычное приглашение на презентацию: оно было сложено в треугольник, напомнивший те, что приходили с фронта от моего старшего брата, с печатями и штампом военной цензуры. Книга называлась «Оккупация Одессы» и потрясла нас ужасными, непереносимыми свидетельствами зверств оккупантов и канцелярской обыденностью расстрельных документов, издававшихся ими, и познанием того, что иные обитатели города жили, как в мирное время, а то и, прости господи, получше... Тогда я подумал, что ты сполна реализовал свой замысел, вернее, свою миссию. Но вот сегодня убедился: тема не только продолжает тебя волновать, но в твоём собрании появились новые свидетельства того времени. Вот почему вторая книга озаглавлена «Одесса.1941-1944. Неизвестные страницы»*. Неужели спустя 75 лет со дня освобождения города, 74 – со дня Победы в войне, ты находишь то, что относится к категории неизвестных документов... И сразу же ответь: есть ли у тебя материалы для третьего тома?

– Начну со второго вопроса. К сожалению, я вместил в эту книгу далеко не все документы, которые могли бы быть интересны и историкам, и читателям, – не хватило места в формате альбома. Что до главного, есть ли еще неизвестные материалы в архивах разных служб мира, то их, поверь мне, предостаточно. Казалось бы, сразу после смерти Сталина, в годы оттепели и гласности в СССР, а позже в России и Украине, других странах, многое тайное стало явным, но далеко не все. В том числе и то, что касается Одессы в войне, например – партизанского движения. По мере возможности продолжаю искать то, что важно и сегодня: свидетельства

* «Одесса. 1941-1944. Неизвестные страницы». Михаил Пойзнер, Александр Грабовский, Олег Губарь, Олег Этнаревич, Гаррий Михайлов, Андрей Кисловский. Леонид Брук – дизайн. – Одесса, 2019.

участников событий тех лет, их родственников, разыскиваю старые документы, письма, фотографии. Пользуюсь случаем – я это делал и в твоей телепрограмме, и делаю это сейчас – обращаюсь к одесситам с просьбой: бережно относитесь к наследию ваших родных, тех, кто пережил войну. Важно все.

Вот я и откликаюсь на просьбу друга, иду по разделам книги и вспоминаю. То, чему был свидетелем и что узнал от родителей и брата.

Раздел «Утомленные солнцем»

Фильм Никиты Михалкова, получивший «Оскара», рассказывает о предвоенных событиях, происходивших в средней полосе России, где герои бегут по траве, влажной от утренней росы, к речке, вода в которой только начинает нагреваться.

Привет из Одессы. Мне примерно полгода

А вот мы, одесситы, в июне уже давно загорали на горячем песке, и солнце утомляло нас в полную свою силу. Правда, я в свои полтора года большую часть времени пребывания на Ланжероне спал в коляске под цветастым зонтиком, пока мои родители располагали на марселевом одеяле вареную картошку с укропом, икру из кабачков и холодные котлеты. Всем хотелось есть, но ждали, когда вернется мой старший брат Аба, заплывший с одноклассницей за волнорез... В июне 1941 года они окачи-

вали десятилетку и собирались поступать в институты. Регина в пищевой, Аба на филфак: писал стихи и даже печатался в молодежном сборнике...

Через несколько дней он, сдавший 22 июня последний экзамен, отправился в военкомат вместе с отцом. Мы с Абой – единокровные братья, он старше меня на 16 лет. Наш родитель Давид Израилевич Кохрихт воевал в Первую мировую, заслужил два «Георгия» и две медали, был сильно контужен. На медкомиссии в военкомате его забраковали – и по возрасту, и из-за последствий контузии. Брат же, скажу, забегая вперед, несколько месяцев с боями отступал, а затем получил направление в Краснодарское артиллерийское училище (его же тогда окончил и отец Олега Губаря, кавалер ордена Красного Знамени), где прошел ускоренный курс и был выпущен в конце 1941 года на Кавказский фронт лейтенантом, командиром огневого взвода. Сразу же заслужил медаль «За отвагу» – старую, на прямоугольной колодке, которую вскоре и потерял, о чем, уже имея другие награды, горевал, особенно когда выпивал.

А что же мы – папа, мама, бабушка по маме? По их рассказам, сначала никак не собирались покидать Одессу, затем, когда начались бомбежки, напряглись, но, собственно говоря, уезжать нам было не на чем, нас никуда не звали, а батя мой – тот и вовсе готовился записываться в ополчение... После гибели парохода «Ленин» с тысячами эвакуированных одесситов на борту о море думать не хотелось, да нам никто и не предлагал. Где-то в августе все же засобирались, стали разыскивать по городу папину родню – у него было три брата с семьями, а главное – мать, моя бабушка Катя Кохрихт из рода знаменитых ювелиров... Она была дамой с характером, сталинской пропаганде не верила, полагала, что немцы остались теми же приличными партнерами, с которыми ее тесть, купец первой гильдии Исаак Кохрихт, до революции торговал бриллиантами. В общем, она от нас спряталась, и мы ушли без нее пешком со двора дома № 13 по Софиевской, где я родился, и соседи провожали нас за ворота...

В те дни выбраться из Одессы можно было лишь через прореху в линии обороны – по Николаевской дороге. И мы пошли в толпе, состоявшей в основном из женщин с маленькими детьми. Меня несли на руках, а скарб сложили в кузов каруцы – телеги, на которой молдаване возят сено. Нас бомбили, на меня наваливалась мама. Здесь придется признаться, что я родился семимесячным, и она почти до двух лет кормила меня грудью, благодаря чему я тогда выжил. Большинство малышей, пивших воду, порой из луж, умерли от дизентерии... Это, как оказалось, на всю жизнь запомнила наша попутчица, которая шла с сыном постарше.

Спустя много лет, в 70-е годы, друг, художник Лев (Люсик) Межберг привел нас к Раисе Исааковне Ойгензихт, преподавателю консерватории, как оказалось, той самой попутчице по отступлению в Николаев, и она, услышав мое имя и фамилию (довольно редкую), глянув на мою тогда еще густую шевелюру, узнала рыжего мальчика Феликса из знойного лета 41 года, уже вполне разговорчивого, но сосавшего материнскую грудь.

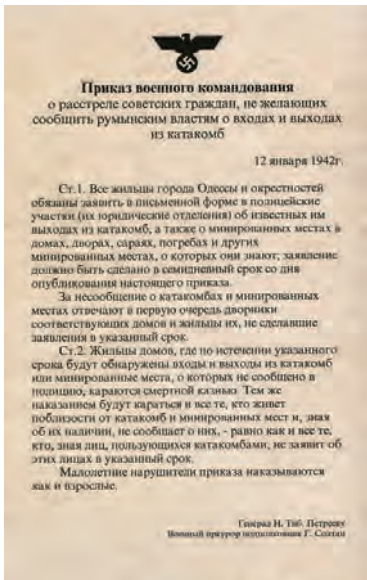
Чудом добрались до Николаева, за нами рухнул Варваровский мост, в который угодила бомба... Оттуда через Кубань – в Грузию, где осели в горном городке Душети...

Первые виселицы... Одесса, октябрь 1941 г.

Молебен в оккупированной румынами Одессе, октябрь 1941 г.

Приказ оккупационных властей

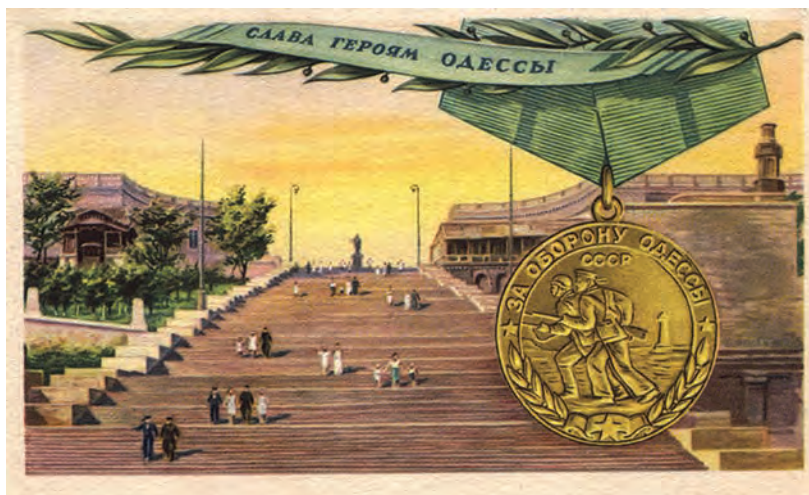
Немцы на Приморском бульваре, октябрь 1941 г.

Ул. Дерibasовская, 1943 г.

Евреи по дороге в гетто Богдановка и Доманевка

Красное знамя над Одесским оперным театром. 10 апреля 1944 г.

Раздел «Осажденный город»

...А в это время Одесса продолжала обороняться в кольце врагов, из которого можно было вырваться лишь морем. Что я знаю об обороне города? То, что вычитал в книгах, то, что слышал от фронтовиков, от земляков, переживших эти месяцы в Одессе. И главное – от незабвенного Григория Поженяна, одарившего нас, молодых журналистов газеты «Знамя коммунизма», своей дружбой. Сначала мы смотрели фильмы, которые он снимал о своей военной молодости, читали его стихи, а затем стали и участниками празднеств, которые Уголек (фронтовые позывные разведчика морской пехоты), устраивал на склонах у 411 батареи.

Григорий Михайлович приезжал в Одессу по весне – ко Дню освобождения Одессы или к годовщинам Победы. Закупал на Привозе всякую снедь, бессарабское вино и приглашал нас разделить с ним и воспоминания, и трапезу, когда первый стакан пили не чокаясь, второй – за тех, кто в море, а последний (крайний!) – за Одессу...

Знал я и защитника города Измаила Гордона. В 60-70-е годы он был редактором газеты судоремонтного завода. Помню его, красавца, талантливого поэта, который никогда при мне не говорил о том, что юношей записался в ополчение и оборонял город до последнего дня, до приказа оставить Одессу и уйти в Севастополь... Лишь сравнительно недавно я узнал от его младшего брата Гарри такую историю. Летом 41 года в большой семье Гордонов ждали пополнения. Как говорится, нашли время и место: в родилке на Комсомольской появился на свет самый маленький из всех, сын Гарик. Измаил отпросился у командира, выбрался из окопа под Дальником и пополз под огнем румынских пушек к трамвайной остановке. Добрался до Комсомольской на 28-м, забрал мать и братика, отвез их домой (по-моему, где-то недалеко от медуна), а затем... Не знаю, как, но мама и младшие Гордоны сумели эвакуироваться, а Изя вернулся на фронт...

Гарик Гордон уже в наше время дружил с Валентином Хрущом и Колей (Мокой) Морозовым. Гарик и Мока поступили в наше художественное училище и долго уговаривали юного Валика присоединиться к ним, но тот предпочел свободу. Нынче Гордон, известный поэт и художник, написал книгу о Хруще и мечтает снять о нем фильм...

«...Одессу покидает последний батальон...» Из песни слов не выкинешь, но не здесь и не сейчас в который раз обсуждать то, что произошло. И сегодня нет единства не только среди нас – детей войны, но и историков, политологов, военных специалистов: был ли высокий смысл в том, что войска, достойно и успешно оборонявшие город, получили приказ тайно покинуть его, оставляя население на поругание и муку со стороны не только жестоких, но и коварных врагов, одержимых бесчеловечными идеями.

Раздел «Оккупация»

...И в первой, и во второй книге Пойзнера и его команды эта их составляющая невыносима для чтения, и тем более для обсуждения.

На комментарии, полагаю, имеют право те, кто пережил эти годы и чудом остался жив. Один из них – Роман Маркович Шварцман, председатель Одесской региональной ассоциации евреев –

бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Когда началась война, ему было пять лет. Отец ушел на фронт, а мать с двумя сыновьями фашисты угнали в гетто, где старшего застрелил охранник. История спасения маленького Ромы достойна и фильма, и книги, но он далек от тщеславия и уже много лет все силы отдает на то, чтобы жила память о погибших мучениках, а те, кто с нами, были окружены уважением и заботой.

Увы, все меньше их сегодня среди нас – всего 151 человек на всю Одесскую область. Уходят и праведники – те, кто, рискуя жизнью, спасал евреев в Одессе и нашем регионе. Роман Маркович с грустью говорит о том, что в 1991 году их было 175, а нынче осталось трое...

Я знал две такие одесские семьи, более того, был в добрых отношениях с ними.

Полина Георгиевна Никифорова, замечательный врач и обаятельная женщина – ее родители укрывали в годы оккупации

еврейскую семью и навеки записаны в книгу Праведников мира, и в Иерусалиме, в музее Яд ва-Шем, в их честь посажено дерево.

Анна Матвеевна Мюллер, муж и дочь которой в начале войны были репрессированы НКВД как немцы, прятала в своей квартире соседку-еврейку и помогала подпольщикам распространять листовки. Никакой награды она не была удостоена, но и не нуждалась в ней – праведница.

Я не знаю фамилий наших соседей по дому № 13, угол Софиевской и Торговой, которым удалось прятать мою бабушку Катю до зимы 1942 года, но наша семья причисляет их к праведникам мира. И проклинает того, кто выдал ее оккупантам и их пособникам. Знаю только, что это был дворник одного из соседних домов. Бабушку выгнали на лютый мороз, облили водой. Всего в дни обороны города и оккупации погибло около 40 Кохрихтов. Неизвестно, кто и где встретил свой последний час. Лишь опять же недавно я узнал из книги моего друга, писателя и музыканта Анатолия Горбатюка (тоже ребенок войны) о том, что мой дядя по отцу Соломон погиб 13 сентября 1941 года при попадании бомбы в дом № 108 по улице Мечникова. Книга эта называется «В списках погибших значитса...» и основана на записках удивительного человека – хирурга Бориса Волоха, в которых он фиксировал фамилии тех одесситов, кто погиб от бомбежек и обстрелов в дни обороны.

Погибла и вся семья младшего брата моей матери Якова Ставнищера. Он пропал без вести на фронте, а его жена и двое маленьких детей сгинули в гетто. Дядя Яша был талантливым актером труппы довоенного ТЮЗа, и сравнительно недавно в этом театре работали те, кто помнил его молодым и веселым.

В день, когда пишутся эти строки, во Всемирном клубе одесситов состоялась встреча с родственниками нашего земляка, известного актера Андрея Сова, прославившегося в послевоенные годы исполнением веселых миниатюр, звучавших и со сцены, и по радио. Он снимался в кино, в том числе и в знаменитом фильме «Два бойца», в котором Марк Бернес создал яркий образ одессита. В беседе один из его внуков рассказал о том, что отец артиста в дни обороны был ранен в спину осколками авиабомбы, взорвавшейся на Привозе. Спасла его младшая дочь, а когда в город вошли

Папа, мама и я. Душети, 1942 год

румыны, ей пришлось откупаться от них при обыске квартиры единственной ценной вещью – часиками... Казалось бы, эпизод, не содержащий трагического исхода, но характерный для атмосферы тревоги и несвободы, в которой жили наши земляки...

Раздел «Освобожденная Одесса»

...Наконец-то могу поделиться и своими вполне реальными, пусть детскими, но воспоминаниями. Делаю это с облегчением: речь пойдет о времени, когда стало ясно – мы побеждаем лютого врага, победа будет за нами.

Наша семья, эвакуировавшаяся через Николаев и Кубань в Грузию, оказалась в горном городке Душети. К сожалению, с 1944 года я так и не побывал там, где нас окружили заботой те, кто и сам нуждался во многом. Почти все здешние мужчины были на фронте, но с нами делились последним, как с родными... Мы были единственными из эвакуированных, кто добрался до этих

удаленных мест, и я в раннем детстве говорил по-грузински так же, как и по-русски, и даже сегодня помню поговорки-скороговорки, которым меня научили местные ребята...

В те дни проявился боевой характер моего отца и его высокий класс работника Одесского губернского уголовного розыска, в котором он служил с начала 20-х годов и до середины 30-х (поэтому и уцелел), – ловил банды, был знаком с опером Евгением Катаевым, а значит, наверное, и с Анатолием Фиолетовым. В 1942 году он узнал, что Аба воюет под Туапсе – на приморском плацдарме, и... Можно было бы снять приключенческий фильм о том, как отец сумел перебраться через Кавказский хребет, пройти все комендатуры, заслоны СМЕРШа, разыскать часть, в которой служил лейтенант Кохрихт, и однажды, откинув плащ-палатку, закрывавшую вход в блиндаж, броситься к сыну и обнять его...

А ведь надо же было еще возвратиться к нам – в горы, в Душети. Я узнал об этом рискованном предприятии уже почти взрос-

лым и удивился, как же ему это тогда удалось, но услышал лишь намек на то, что немного (в самом начале) помог ему бывший сослуживец-грузин, подчиненный отца по службе в Бульварном районе милиции...

О том, что Одессу освободили от оккупантов, мы узнали при необычных, даже драматичных обстоятельствах. Весной 1944 года меня укусила «незнакомая» собака, и местная фельдшерница заподозрила, что она бешеная, и с тревожным возгласом «Вай ме!» настояла на том, чтобы председатель сельсовета выделил единственную полуторку на ходу, которая отвезла меня с мамой в Тбилиси, в инфекционную больницу, где мне должны были сделать сорок уколов в живот...

Больница стояла над рекой Курой, куда выходили окна процедурной. Я уже перенес десяток больничих уколов, когда однажды медсестра, для того чтобы заглушить мои вопли, включила на полную катушку репродуктор. Грянул марш, а затем громых-

Отец и сыновья. 1949 год

нул голос Левитана: «Приказ Верховного главнокомандующего!». И далее – разные слова, из которых мама и я слышали: «Одесса!» – и потом: «Салют!». Мама от неожиданности ослабила хватку, и я вывернулся, и медсестра выронила шприц... Такой к нам пришла Благая весть.

Через несколько дней нас на радостях отпустили в Душети – уже давно было понятно, что на сей раз бешенство мне не грозит. Мы начали рваться домой в Одессу, но сделать это немедленно было невозможно. Одесса и после освобождения оставалась прифронтовым городом – ее бомбили вражеские самолеты. Но мои родители все же доказали, что одесситы не знают преград, когда хотят вернуться домой, пусть даже неизвестно, сохранился ли этот дом.

Додумались написать в просьбе о реэвакуации место назначения не Одесса, а Раздельная, что вполне удовлетворило грузина-коменданта, ведавшего разрешениями. Откуда мог он знать, что наш город и последнюю станцию перед одесским вокзалом отделяет всего час езды...

Прощались с приютившими нас грузинами, обязуясь непременно встретиться после Победы.. Пока не пришлось – так и не добрался, к стыду и огорчению своему, до Душети, хотя в Тбилиси бывал...

Много лет спустя из телепередачи, посвященной творчеству Георгия Данелии, узнал, что фильм «Мимино» снимался в Душети, и увидел этот край с высоты полета, который совершал над ним вертолет летчика Мизандари. И почудилось мне, что узнаю

тот дом, где мы жили давным-давно, когда эти тутовые деревья были молодыми, а я – маленьким.

...До Одессы добирались несколько недель в товарном вагоне. Выгрузились на Товарной же станции, вышли с пожитками на площадь. Я увидел рельсы и спросил у мамы: «Трамвай?». Откуда я мог знать это? До сих пор не знаю.

С вокзала каким-то образом добрались до Софиевской, 13, вошли во двор, мама поднялась со мной на второй этаж, и мы увидели распахнутую дверь, коридор, а в нем – на лесах маляров, которые белили потолок. Кисти они макали в детский эмалированный горшок («Это твой...» – сказала мама). Потом к нам вышел человек в военной форме, повел маму в комнату, и они о чем-то говорили... Потом мама спустилась со мной во двор, где папа и бабушка маялись с нашими бебехами... Потом папа рванул к лестнице, но женщины повисли на нем...

Я ничего не помню о том, что было дальше: где мы жили несколько суток, пока не обрели ордер на кров. Коллизия, случившаяся с нами, как я осмыслил, уже будучи журналистом, и сравнил с другими подобными случаями, была не то чтобы массовой, но случалась в недавно освобожденной Одессе довольно часто. Как правило, захватчиками квартир, обитатели которых еще не вернулись из эвакуации, становились военные в чинах или силовики. Особенно падки были они на престижное жилье в центре города... Приходится констатировать, что, по сути, мародерами становились не только интенданты и «чекисты», но и боевые офицеры, и генералы, Нас выгнал из родового гнезда,

У памятника Воронцову на Соборной площади.
Слева направо: Сима, Аба с дочерью Ниной, папа и я. Начало 50-х

откуда ушел на фронт мой брат, полковник, выходец из известной в Одессе семьи, ставший впоследствии многолетним и успешным руководителем престижного вуза.

Теперь о том, где же мы спустя время поселились, и надолго. Сразу по возвращении в Одессу отец был назначен заместителем начальника Горжилуправления, которое размещалось тогда в огромном доме № 10 по Дерибасовской, и был среди тех, кто ведал распределением квартир. Вот он и выбрал (идеалист и бес-сребреник) для нас коммуналку в доме № 6 по улице Садовой – без отопления (к зиме оборудовали в единственной комнате печку-буржуйку и вывели трубу в форточку), без воды и с туалетом во дворе... Здесь я и провел детство, отрочество и юность.

Сюда я в 1964 году привел молодую жену Таню, выпускницу мюнхенской гимназии. История жизни их дворянской семьи Завалишиных-Вербицких заслуживает отдельного рассказа, но Таня, человек непубличный и деликатный, сама должна решиться на это.

Если об освобождении Одессы я узнал в далеком грузинском Душети, то о Победе – в родном городе. Под утро 9 мая 1945 года нас разбудила беспорядочная стрельба буквально под окнами дома на Садовой. Она доносилась с угла напротив, где находился экипаж Одесского военно-морского медицинского училища. Высыпавшие на улицу караульные курсанты и их начальники падали в воздух из трехлинеек и наганов. (Символично, что спустя много лет я поступил в это училище.) Мы ликовали, обнимались с соседями! Уверен, радовались исходу войны и пленные немцы, ремонтировавшие полуразрушенное здание Главпочтамта. В 45-м их расконвоировали, и они забредали в наш двор, Худые, но опрятные в своих поношенных мундирах, летом – в деревянных сандалиях на босу ногу. Ловко мастерили из дерева смешные игрушки, которых нам так не хватало... Сейчас это покажется странным, но тогда, когда война еще шла, и в Одессу все еще приходили похоронки из Венгрии и Восточной Пруссии, женщины нашего дома (русские, украинки, еврейки, молдаванки) выносили немцам хлеб, помидоры, а то и сало... А ведь были среди них (нас) и вдовы, и сироты, и потерявшие всех близких...

Зимой то ли в декабре 45-го, то ли в январе 46-го на побывку впервые за всю войну к нам прибыл Абрам Давидович Кохрихт – гвардии капитан артиллерии с орденами и медалями – от «Обороны Кавказа» до «Взятия Берлина». Вот из столицы Германии,

расписавшись на стене Рейхстага, мой старший брат и пришел пешком с Одесского вокзала к нам на Садовую с небольшим чемоданом и солдатским «сидором» (вещмешком) за спиной.

Важно вот что. Мать Абы умерла в 1923 году при родах, и папа растил его один до 15 лет, и лишь в 1938-м женился на моей маме. Через год родился я, а через полтора мы с братом расстались. Я его вообще не помнил, а он знал полуторогодовалого пацанчика...

В году 1944-м мы получили от Абы с фронта письмо со стихами, которые, увы, не сохранились, а мама запомнила лишь два фрагмента. В одном: «...и, может, у казарм Каховских убита де-вушка моя...» – это о Регине, погибшей в оккупации; во втором – обо мне: «...с золотой, золотой головой...». Нетрудно посчитать, что в Одессу Аба вернулся, имея от роду 22 года, уже зная о том, что квартира, где он родился и откуда ушел на войну, захвачена, и был полон намерений ее освободить от врага, как освобождал города и села Советского Союза и Польши, как брал штурмом населенные пункты Германии.

Сначала о том, что же артиллерийский капитан привез из побежденной фашистской страны в виде контрибуций и репараций. Не стану называть тех наших знакомых и дальних свойственников, в чьих квартирах после возвращения домой – и тех, кто был на войне, и тех, кто около, – появились радиоприемники и радиолы «Телефункен», аккордеоны, напольные часы «Мозер», майсенские статуэтки и сервизы, кто обзавелся «Опелями» и «Мерседесами». Аба же предпочел трофеи в стиле эрзац (искусственный заменитель), который из жесткой экономии был внедрен в Германии, когда стало ясно, что война проиграна. Эрзац-чемодан, склеенный из картона «под кожу», содержал несколько плиток шоколада из сои, и лишь камешки для зажигалки были настоящими. В «сидоре» – теплые носки, свежее бязевое солдатское белье с «поморозками», бутылка «Московской» водки да пара банок тушенки.

Водку в тот же вечер отец и сын выпили под тушенку и картошку, испеченную на листе жести при помощи буржуйки, и хлеб, полученный утром по карточкам. И, чуть отдохнув, брат собрался сходить домой – на Софиевскую, и навести порядок, разобраться с отобранной жилплощадью. Вот тут-то выяснилось, что в эрзац-

чемодане завернутый в парадную гимнастерку с наградами дремал еще пистолет ТТ со снаряженной обоймой... И вот ствол был привычно передернут, и пистолет сунут в кобуру. На шинель натянут ремень с портупеей – и выяснилось, что брат мой и высок, и силен, что у него зычный голос командира противотанковой батареи...

Было еще светло, хотя и темнело. В то время зимы были снежными, а улицы никто не убирал. Папа и Аба дошли до угла Торговой и пошли вниз, а я увязался за ними, и плачущая мама не сумела меня ухватить за шиворот...

На ходу папа умолял сына проспать и отложить разговор с полковником М. (не выдержал – и назвал первую букву) на завтра, скажем, в горжилуправлении. Оба Кохрихта были выпимши: отец унтер-офицер, кавалер наград Первой мировой, и сын-капитан, орденоседец Второй. Преимущество было у сына – он и моложе, и привык к бою, и злость его брала лютая.

Где-то не доходя Щепкина, они свалились в снег, и папа попытался вытащить из кобуры сына пистолет, чему тот противился, и в итоге в борьбе отцовский палец сломался. Тут уж Аба с готовностью, но с видимой неохотой сдался. Они повернули назад, заметили меня... Мы вернулись на угол Садовой и Торговой, где рядом со входом на цирковую галерку была бodega – винарка, оставшаяся «с румын», где старшим налили в кружки теплого красного вина, а мне чаю с сахаром. Закусывали кукурузными лепешками и солеными огурцами, а мне досталось блюдо со сливовым повидлом... Если бы Аба в тот вечер добрался до захватчика, то завалил бы его или погиб в перестрелке. В лучшем случае попал бы под трибунал и в штрафбат.

Примерно года через два, когда я уже ходил с нелюбимой виолончелью в первый класс школы имени Столярского, Аба приехал в Одессу из Эстонии, где стояла его воинская часть, чтобы познакомить нас с женой – Симой Юкельзон, хорошенькой фронтовой медсестрой родом из Бендер. В войну она служила и в госпитале, где после ранения лечился легендарный красавец генерал Рокоссовский, в которого все медички были влюблены, и этим по праву гордилась. Вскоре у них родилась дочка Нина, моя племянница.

«Беда не к лицу Одессе...»

Так Михаил Пойзнер озаглавил вступительную статью к новой книге. Он процитировал слова из статьи, написанной в 1944 году выдающимся писателем и гражданином Ильей Эренбургом: «Я бродил по Одессе, она была печальной. Беда не к лицу Одессе, она казалась обиженной, оборванной и заплаканной модницей».

И далее мой товарищ Миша, продолжающий искать и находить новые неизвестные свидетельства пусть трудной, но победительной истории города, добавляет к словам писателя то, что же отличает Одессу, делает ее неповторимой и в горе, и в радости: «Заплаканной, но все-таки модницей!». Согласен с ним!

В заключение этих заметок: пишу их, следуя призыву создателей книги делиться воспоминаниями о том, что пережили. Бесценны свидетельства тех, кто воевал, кто защищал и восстанавливал город, кто во время оккупации перенес ужасы гетто и концлагерей. Но и наши воспоминания – детей войны – привносят в общую картину свои краски.

Признаюсь, вот и не думал, что вынесу в заголовок этой статьи припев из песни, которую ранее не выделял из тех, что посвящены Одессе. Честно говоря, считал ее если не «ресторанной», то как бы легкомысленной и излишне сентиментальной. Но вот заметил, что уже несколько дней, вспоминая судьбы близких и родных людей, напеваю: «Ах, Одесса! Жемчужина у моря. Ах, Одесса! Ты знала много горя...».

Вот и сейчас не выходит она из головы.

Раз уж так случилось, споем же полностью припев песни, сочиненной уже после войны нашим земляком композитором Модестом Табачниковым на слова достойного автора, имя которого доподлинно неизвестно. Тем более что в целом рефрен песни полон оптимизма, который, несмотря ни на что, мы с вами разделяем. Такими уж нас мама родила!..

Ах, Одесса! Жемчужина у моря!
Ах, Одесса! Ты знала много горя,
Ах, Одесса, веселый южный край,
Живи, моя Одесса, живи и процветай!